

ЭО, 2006 г., № 3

© В. ван Мейрс

В 1983 г. Ю.В. Бромлей опубликовал "Очерки теории этноса", в которых его концепция и определение этноса приобрели достаточно осязаемые очертания, чтобы их можно было использовать для исследования национальных процессов в СССР (Бромлей 1983). На Западе для исследований национализма 1983 г., ознаменовавшийся трудами Б. Андерсона, Э. Хобсбаума и Э. Геллнера, оказался также *annus mirabilis* (Anderson 1983; Hobsbawm, Ranger 1983; Gellner 1983). "Этносу" и "конструктивизму" предстояло стать новой парадигмой исследований национализма – каждому в своей собственной зоне, на Востоке и на Западе. В советской этнографии доминировали бромлеевской концепции этноса растянулось не на одну декаду. И ни один исследователь национализма и нацистской идеологии на Западе не мог, особенно с начала 1990-х годов, не упомянуть в предисловии к своему исследованию работ Б. Андерсона, а часто также и работ Э. Геллнера и Э. Хобсбаума. Этнография начала свое развитие в XIX столетии с важных для нее опытов институционального подражания и заимствования, с обмена теоретическим знанием и эмпирическими находками между "Востоком" и "Западом". Однако на протяжении периода холодной войны американская антропология и советская этнография развивались изолированно друг от друга (нельзя даже сказать "в противоречии друг с другом" или "в соревновании друг с другом"). Несмотря на теплые тона конференции в Бюрг Вартенштейн в 1976 г. и другие инициативы по научному разоружению, все эти обмены взглядами не оказывали воздействия на теоретические устои в том и в другом лагере. Большинство западных антропологов тенденциозно видели в своих советских коллегах эксцентриков или аппаратчиков (часто и тех, и других одновременно). В оценках же трудов западных коллег советскими этнографами чаще проступали характерные черты общепринятого жанра "К критике буржуазных фальсификаций...", чем продуктивная научная энергетика (Бромлей 1975; Tishkov 1998). Очевидно, что изучение национализма и национальностей было слишком политизированным. Если принять во внимание относительно недиалогичный научный контекст в те десятилетия, неизбежное влияние политики периода холодной войны на научную сферу, а также вызов реальности в конце 1980-х – 1990-е годы, то пересмотр концепции "этнос" сегодня может послужить трем взаимосвязанным целям: 1) пересмотру внутренней динамики развития российского научного мышления в вопросах нацистского строительства, 2) исследованию взаимодействия в сфере науки, политики и идеологии в советском контексте, 3) анализу столкновения политиков и ученых со сложной и неловкой реальностью национальной идентификации и национальной мобилизации.

Как детально показано в статьях А.М. Кузнецова и В.Р. Филиппова, определения этноса у С.М. Широкогорова и Ю.В. Бромлея двусмысленны с точки зрения объективного и субъективного, биологических и социальных факторов. Советскому руководству, с одной стороны, были нужны объективные критерии для классификации национальных групп и выяснения стадии их развития, с другой стороны, ему требовалось определение, на которое могли бы опереться широкомасштабные стратегии модернизации и национальной политики. Далее, как верно указывает В.Р. Филиппов, теория этноса Ю.В. Бромлея должна была помочь этнографам вообще и московскому институту в частности обосновать претензии на научную территорию национальных процессов и национализма, что в итоге укрепило бы собственные научные и политические позиции Ю.В. Бромлея. Парадоксально выбранные политико-идеологические предпочтения по части объективности и социальной инженерии привели к непродуктивному определению

Вим ван Мейрс (van Meurs) – профессор кафедры истории Университета Радбоуда (г. Неймген, Нидерланды).

нию. В действительности самые разнообразные определения не могли вырваться из одного и того же замкнутого логического круга – круга населения или общества с общей исторической традицией и идентичностью, выраженной в характерном самонаименовании и соответствующем языке (а также культурных традициях и религии) и привязанной к определенной территории. Если определение Сталина указывает на "психологический склад", то у С.М. Широкогорова и Ю.В. Бромлея появляются "самоназвание" и "национальное самосознание", причем этим понятиям придается некая автономность, хотя в конечном счете и то, и другое можно свести к объективным (как историческим, так и биологическим) факторам (Козлов 1967, 1999). Эти просчеты в дефинициях воскрешают в памяти один пессимистичный афоризм Верховного комиссара ОБСЕ по национальным меньшинствам М. ван дер Штуля по поводу определения национального меньшинства: "Это что-то вроде слона – я не могу дать ему исчерпывающее определение, но я узнаю его, когда увижу". Возможно, в ранние советские годы деятельности С.М. Широкогорова понятие "этнос" служило свою службу в приложении к малочисленным народам советской периферии, однако оно оказалось бесполезным в деле анализа и понимания национализма титульных нерусских национальностей в СССР. Опшбочный подход М.С. Горбачева к национальному вопросу в период "перестройки" хорошо указывает на влияние телеологической точки зрения, в которой противопоставляются модернизация и национализм.

В западной историографии изучение советской этнополитики, этнографии и теории этноса затрагивалось в работах – от известной книги Э. Геллнера (Gellner 1980) до умело выполненного Ю. Слезкиным исследования народов Севера (Slezkine 1994). В последние годы подобные работы были сфокусированы по большей части на удивительных трансформациях периода между двумя мировыми войнами (в исследованиях эпохи холодной войны "этнография" признавалась только в деле Сталина/Марра (SLC 1951; van Meurs 1998; ср.: Тумаркин 1999)). Взаимосвязь между национальной политикой и этнографической наукой в постсталинское время – безусловно, малоисследованная область (van Mейрс 2001). Соединившее в себе объективные и субъективные критерии трудно-уязвимое бромлеевское определение этноса должно было предотвратить возможность разработки какого-либо альтернативного подхода. Кроме того, западные дискуссии (которые в некоторой мере можно было бы назвать псевдодискуссиями) оказались чересчур поляризованными на "конструктивистов" и "неоэтнологов". Распад Советского и Югославского государств поначалу широко понимали как доказательство аргумента примордиалистов о возрождении наций из-под власти коммунистических режимов и пробуждении национального сознания после периода насильственной ассимиляции. В более широких кругах западного научного сообщества восприятие (и последующая гегемония) конструктивистских подходов началось с распространением этнических конфликтов на евразийском пространстве в 1990-е годы.

Прошедшие 15 лет продемонстрировали современный характер национализма и его связь с идеологиями модернизации. Первую волну "исторических" национальных государств еще можно было принять за подтверждение существования исторической или даже примордиальной сердцевины национализма, но распространение разнообразных небольших, малых и даже сиюминутных "новых" наций показало почти безграничную созидательность этнических антрепренеров и почти беспредельную гибкость коллективных идентичностей при наличии сопутствующих условий. Как правило, в конструктивистских подходах внимание привлекалось к проблеме действующего агента в анализе национализма, что наиболее явным образом выражено в последней работе Р. Брубейкера (Brubaker 2004). Действующий агент – понятие, отсутствующее в построениях "неоэтнологов", и то же самое можно сказать о теориях этноса. В конструктивистских подходах подчеркивалось синхронное распространение идей и ролевые модели, а не диахронные последовательности стадий развития (клан – племя – этническая группа – национальность – нация).

Иными словами, примордиалистско-биологические определения, если процитировать Р. Брубейкера, пришли с возникновением современного национализма и ушли с уходом исследований национализма в модернистском духе: «Все согласны на предмет того, что нации – это исторические сформировавшиеся конструкции, хотя продолжает существовать несогласие по поводу удельного веса досовременных и современных трансформаций, древней социальной памяти и мобилизованного недавно, "аутентичных" и "искусственных" групповых чувств» (*Brubaker* 1996: 15). Российские дебаты об этносе во многих отношениях напоминают псевдодискуссии между Б. Андерсоном и Э. Смитом. Если, с одной стороны, борьба за нахождение неуязвимого определения этноса, с помощью которого можно было бы выявить эволюцию этнических групп и предсказывать всплески национализма, представляется несостоятельным делом, то, с другой стороны, конструктивистский пафос часто приводит к настолько же непродуктивному отделению националистических дискурсов от социально-экономической реальности и политических условий. Текущие дискуссии, возможно, продвинулись дальше вопросов С.М. Широкогорова (хотя не обязательно дальше его ответов), но этнические группы и национализм остаются загадочными явлениями (может быть, лишь в свете нынешнего возрождения в "нациестроительстве" – понятии, долго бывшем табу после советских политических решений 1920-х–1930-х годов?).

Литература

- Бромлей* 1975 – Этнологические исследования за рубежом / Под ред. Ю.В. Бромлея. М., 1975.
Бромлей 1983 – *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М., 1983.
ван Мейрс 2001 – *ван Мейрс В.* Советская этнография: охотники или собиратели? // *Ab Imperio*. 2001. № 3.
Козлов 1967 – *Козлов В.И.* О понятии этнической общности // *Сов. этнография*. 1967. № 2.
Козлов 1999 – *Козлов В.И.* Этнос, нация, национализм. М., 1999.
Тумаркин 1999 – *Тумаркин Д.Д.* Репрессированные этнографы. М., 1999.
Anderson 1983 – *Anderson B.R.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L., 1983.
Brubaker 1996 – *Brubaker R.* Nationalism Reframed. Cambridge, 1996.
Brubaker 2004 – *Brubaker R.* Ethnicity without Groups. Cambridge (Mass.), 2004.
Gellner 1980 – *Gellner E.* Soviet and Western Anthropology. L., 1980.
Gellner 1983 – *Gellner E.* Nations and Nationalism. Ithaca, 1983.
Hobsbawm, Ranger 1983 – The Invention of Tradition / Ed. E.J. Hobsbawm, T.O. Ranger. Cambridge, 1983.
SLC 1951 – The Soviet Linguistic Controversy. N.Y., 1951.
Slezkine 1994 – *Slezkine Y.* Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca, 1994.
Tishkov 1998 – *Tishkov V.A.* U.S. and Russian Anthropology: Unequal Dialogue in a Time of Transition // *Current Anthropology*. 1998. Vol. 39. № 1.
van Meurs 1998 – *van Meurs W.* Die Sprachtheorie Von Nikolaj Marr: Zwischen Wissenschaft Und Wahnsinn // *Wissenschaftsgeschichte in Osteuropa* / Ed. J. Petersdorf, A. Henning. Wiesbaden, 1998.

Перевод с английского А.Л. Елфимова